

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДУШИ

Ольга
Рожнёва

ПЕЛЬМЕНИ
ДЛЯ ВИТАЛЬКИ

Ольга Рожнёва
Пельмени для Витальки
Серия «Рассказы для души»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8641537

Пельмени для Витальки / Рожнёва Ольга Леонидовна: Москва: «Издательство «НОВАЯ МЫСЛЬ»;

Москва; 2014

ISBN 978-5-902716-33-4

Аннотация

Перед вами книга одного из самых любимых авторов бестселлеров популярной духовной литературы – Ольги Рожнёвой. Сама она много лет несет послушание в Оптиной пустыни – необыкновенном месте, куда хочется возвращаться снова и снова. Если вы тоже хотите ощутить это странное размягчение сердца, это чувство детского восторга и любовь ко всем и всему тебя окружающему, тогда скорее приезжайте в Оптину.

Содержание

От автора	4
Пельмени для Витальки	5
Пельмени для Витальки	5
Чужое послушание	10
Про Винни-Пуха и чудотворения	12
Ленитесь, братия, ленитесь!	14
Как отец Валериан с осуждением боролся	16
Розпрягайтэ, хлопцы, коней!	19
Жареная картошка на зиму	20
Квасота!	21
Отец Валериан, Петенька-здоровяк и умиление	22
Раздражительный Виталька	26
Как отец Валериан участвовал в похищении старушки	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Рожнёва

Пельмени для Витальки

От автора

Дорогие читатели!

Открыв эту книгу, вы пройдёте вместе с игуменом Савватием каменистыми тропами Афона, побываете на страшных Карулях, узнаете, как подвизаются афонские монахи, какие страхования терпят, как молятся.

Вы узнаете, почему в монастыре Виталька запросил вдруг пельмени, как отец Валериан помогал похитить старушку, каково это – нести чужое послушание, и отчего вдруг умирал суровый Петенька-здоровяк.

Узнаете, как окормлял своих чад известный всей России старец Иоанн (Крестьянкин) и почему настоятельница монастыря мать Ксения воспела оду бабушкам.

Книга эта написана с молитвой, она плод молитвенного труда многих людей. Молился известный Оптинский старец схиархимандрит Илий (Ноздрин), когда благословил в 2009 году автора этой книги на писательский труд. Молился за автора его духовник, оптинский игумен Антоний (Гаврилов).

Молился первый духовный наставник автора игумен Савватий (Рудаков). В этой книге многие истории рассказаны именно им. Про Славу-чеха, про инокиню Павлу и, конечно, «Афонские истории».

Про Афон пишут многие, но часто поверхностно, как о туристической достопримечательности. Люди духовные чаще молчат, не имея времени или возможности написать о своём духовном опыте. И отец Савватий, обременённый многочисленными обязанностями священнослужителя, духовника, строителя монастыря, тоже, скорее всего, никогда бы сам не написал об Афоне.

Но по милости Божией его истории записаны, и мы можем прикоснуться к духовному опыту одного из первых чад старца Иоанна (Крестьянкина), уже почти тридцать лет в сане священника предстоящего пред престолом Божиим.

С молитвой рассказывала свои истории настоятельница монастыря Казанская Трифонова женская пустынь монахиня Ксения (Ощепкова), которая уже около двадцати лет подвизается в монашеском чине в уральском монастыре.

Герои историй отца Валериана имеют своих реальных прототипов, насельники и насельницы монастыря тоже молились, рассказывая о событиях, которые легли в основу рассказов.

И автор тоже молился своей слабой и немощной молитвой, чтобы рассказы книги послужили к пользе душевной и духовной, помогли в трудной жизненной ситуации, привели в храм, прогнали уныние. И высшей похвалой автор книги считает для себя слова читателей: «Ваши книги размягчают сердце. Прочитав рассказы, хочется молиться, хочется взять в руки Евангелие». Бог в помощь! Храни вас Господь!

Ольга Рожнёва

Пельмени для Витальки

Пельмени для Витальки

– Ну, ты, братец, совсем обнаглел! – Голос монастырского келаря, отца Валериана, высокого крупного инок с окладистой чёрной бородой, дрожал от обиды и негодования.

Обычно добродушный отец Валериан сейчас гневался. Он отказывался выдавать дежурному трапезнику, отцу Павлу, две упаковки пельменей с мясом вместо одной и сердито смотрел на Витальку:

– Мало того, что ты в монастыре мясо лопаешь, так ты теперь его ещё в двойном размере лопать желаешь?!

Невысокий, худенький отец Павел только пожимал плечами, а от вечно дурашливого Витальки и подавно внятного и разумного ответа не дождётся. Он только кривил в улыбке рот да показывал на лишнюю пачку этих самых пельменей, дескать, не наедается он, Виталька, нужна добавка! На кухне были ещё два брата, но они по монашескому обычаю в чужие дела не совались, а молча и споро домывали посуду после братской трапезы.

На кухне было тепло и уютно, горел огонёк в лампадке перед иконами, в окнах, покрытых морозными узорами, уже таял короткий зимний день. Сквозь узорчатое стекло было видно, как загораются окна в храме, – это дежурные инок готовились к вечерней службе.

Братия потрапезничала, и теперь пришла очередь Витальки. С тех пор как Виталька начал есть мясо, по благословению духовника обители он питался отдельно.

– Искушение какое! Зачем только батюшка тебе в монастыре жить разрешает?!

Ты же искушаешь братию! Проглот ты этакий! Безобразник!

Келарь сердито шмякнул об стол замороженными пельменями и в сердцах хлопнул дверью. А тихий отец Павел смиренно раскрыл упаковки и высыпал содержимое в Виталькину кастрюлю, вода в которой уже кипела на огромной монастырской плите. Виталька скорчил довольную рожу и пошёл в трапезную слушать музыку. Раньше он свои любимые валаамские песнопения слушал в ожидании обеда, а сейчас какую-то уж совсем дикую музыку стал включать проказник, никак не подходящую для святой обители.

Виталька жил в монастыре уже давно, духовник обители, игумен Савватий, забрал его с прихода, где он обретался в сторожке и помогал сторожам. Когда-то маленького Витальку подбросили в церковь, и подобрал его старенький вдовец, протоиерей отец Николай. Ребёнок оказался глухонемым. Батюшка возил малыша по врачам, и оказалось, что никакой он не глухонемой, а просто почти совсем глухой. Трудно научиться говорить, когда ничего не слышишь. Отец Николай вырастил Витальку как сына, купил слуховой аппарат. И малыш даже научился говорить, правда, очень невнятно, косноязычно. Только умер батюшка, а больше никому на всём белом свете Виталька был не нужен.

И как-то отец Савватий привёз паренька в монастырь. Тут он и остался, поселился под храмом. Сначала много молился, не уходил, можно сказать, из церкви. Пример, можно сказать, братии подавал, и к нему привыкли, хорошо относились. Иногда, правда, подсмеивались, но беззлобно: смешной, нелепо одетый, простодушный Виталька вечно попадал впро�ак. Да ещё и слышал плохо. Ну а как говорил, так из десяти слов, пожалуй, два только и понять можно было, и то если сильно постараться.

Виталька с блаженной Машей

Первые годы в монастыре Виталька ел мало, кусок хлеба сжуёт и гладит себя по животу довольно: наелся, дескать, до отвала. Топил печь в храме перед службой. Особенно любил, когда братия крестный ход вокруг монастыря совершали: провожает их и встречает и прямо-таки благословляет, ровно он в сани духовном пребывает. Братия не возмущалась, да и кто бы стал возмущаться, взглянув на лицо блаженного, сияющее от счастья? Улыбались ласково Витальке.

Порой то один брат, то другой, а то и паломник делились, будто сказал им Виталька что-то, иной раз уж совсем несуразное, а оно возьми, да и случись. Кто говорил: «Блаженному Господь открывает, потому как блажени чистые сердцем...» Другие смеялись только, ведь невразумительную речь Витальки можно толковать как угодно: что хочешь, то и услышишь... Так к общему выводу братия по поводу Витальки и не приходила.

А потом уж и совсем стало понятно, что никакой он не блаженный вовсе, а так, придурковатый... Потому как молиться перестал, на службу просыпать начал, на крестном ходе братии не улыбался ласково, а то спиной повернётся, то рожу какую-нибудь противную скорчит. Перестал наедаться простой пищей монастырской, а требовать стал себе то пельменей, то котлет. В общем, не Виталька, а сплошное искушение...

И вот наступил день, когда общее терпение лопнуло. Об этом как раз и разговаривали возмущённо иноки между собой после службы. После трапезы обычно игумен Савватий поднимал какие-то рабочие вопросы, касающиеся общемонастырских дел на следующий день, вот и решили старшая братия поставить перед духовником вопрос ребром: о дальнейшем пребывании безобразника в обители.

С колокольчиком в руках пробежал по заснеженному, белоснежному монастырю послушник Дионисий, и стали открываться двери келий, выпуская с тёплым паром, валящим из дверей на морозную улицу, спешащих на трапезу иноков. Во время трапезы Дионисий читал Авву Дорофея, и братия чинно, в полном молчании хлебали грибную ароматную похлёбку, накладывали в освободившиеся тарелки картошку с квашеной хрустящей ядрёной капусткой, споро допивали компот, – по звонку колокольчика трапеза заканчивались, и все вставали, читали благодарственные молитвы.

Потом снова присели, и игумен Савватий сделал несколько распоряжений, касающихся дополнительного общего послушания: по случаю сильного снегопада нужно было чистить территорию обители. Когда он закончил, отец Валериан благословился на несколько слов. Коротко, но по существу описал безобразия, чинимые в обители Виталькой, а остальная братия на протяжении его короткой речи согласно кивали головами: «Да, совсем распустился Виталька, искушает иноков, да и только...»

Игумен Савватий

Игумен Савватий слушал молча, опустив голову. Выслушав, подумал и печально сказал:

– Что ж, раз искушает, надо принимать решение... А вот мы сейчас у отца Захарии спросим, что он по этому поводу думает.

Братия затаила дыхание. Схиигумен Захария был человеком в обители уважаемым. Старенький, аж двадцать третьего года прошлого века рождения, весь седой, он всю жизнь посвятил Богу: служил дьяконом, иереем, потом протоиереем. Помнил годы гонений на Церковь, времена, когда в спину ему и его молоденькой матушке кидали камни и грязь. А детишек его в школе дразнили и преследовали за отказ быть пионерами и комсомольцами, даже избивали, как сыновей врага народа.

Был арестован в 1950-м и осуждён как священник по статье 58–10 Уголовного кодекса («антисоветская агитация») на семь лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима Каргопольлага, что в Архангельской области. Матушка его после ареста мужа осталась одна с детьми, голодала, мыкалась, бедная, пытаясь прокормить малышей, и надорвалась, заболела туберкулёзом. Вернувшийся из лагеря батюшка застал жену угасающей, как свеча.

После смерти своей матушки один вырастил детей, которых у него было четверо: три сына и дочь. Сыновья пошли по стопам отцам и уже много лет служили на приходах, имея сами взрослых детей и внуков, а дочь пошла по монашеской стезе и подвизалась в женской обители, будучи уже пожилой монахиней.

Стареющий протоиерей принял монашеский постриг и поселился в монастыре. Лет десять он был братским духовником, но ослабел, принял схиму и теперь только молился.

Продолжал ходить на все службы и даже в трапезную, выходя заранее, чтобы тихонько добрести и не опоздать. Ел только то, что подавалось на трапезе, и очень мало.

Несколько раз во время болезни старца братия пытались накормить его на osobинку, повкуснее, но он признавал только простую пищу – суп да кашу. А из лекарств – Святое Причастие. Иноки поражались: разболеется старец, все уже переживают – поднимется ли от одра болезни на этот раз. А он добредёт до храма, чуть живой доковыляет к Причастию, смотришь – ожил отец Захария, опять идёт себе тихонько в трапезную, жмурится на солнышко, иноков благословляет.

В келье у него топчан, стол да иконы. Книги кругом духовные, и на столе и на топчане. Кому случалось заглянуть в келью старца, удивлялись: где же он спит? На топчане, заваленном книгами, спать можно было только сидя. Один послушник как-то рискнул полюбопытствовать, но лучше бы и не спрашивал, так как старец брови нахмурил, принял вид разгневанного, – послушник и ответа, бедный, ждать не стал, убежал на послушание. Братия очень почитали старого схимника и опытным путём знали силу его благословения и пастырских молитв. Отец Захария мог и приструнить, и прикрикнуть на виноватого, но зато, когда он благословлял и клал свою большую тёплую ладонь на твою голову, казалось, что вот она, награда, другой и не нужно, так тепло становилось на душе, такой мир и покой воцарялись в сердце.

Большей частью отец Захария молчал и был углублён в молитву. Игумен Савватий обращался к нему только в самых важных случаях, и сейчас иноки были поражены: уж такое простое дело, как безобразия глупого Витальки, можно было, наверное, решить, не нарушая молитвы схимника...

Отец Захария кротко посмотрел на вопрошающего, помолчал, а потом, вздохнув, смиренно ответил:

– Что ж... Давно хотел я, братия, покаяться перед вами. Знаете такую поговорку: «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива»? Так это про меня... Ну а Виталька – он, стало быть, зеркало. Бумажка лакмусовая... Только такая духовная бумажка... Вот как я лишний кусок съем, гляжу – и Виталька добавки просит...

Братия недоумённо переглянулись. Уж кто-кто, а отец Захария не только лишнего куска отродясь не съедал, но и был строгим аскетом. А схимник продолжал дальше:

– Да... Надясь мне устриц захотелось, а то ещё этих, как их, крикеток. Чего вы там шепчете? Ну да, креветок. Я друзьям их заказал, они мне привезли целую сумку, во какую – здоровенную, да ещё кальмара копчёного кило пять, не меньше... А что? Гады морские – они пища постная, греха-то нет... Я уж их ел-ел, пять кило черепнокожих этих, и до службы, и после службы, и после вечерней молитвы, в келье закроюсь и лопаю от пуза – а они всё не кончаются. Вот как я последнего гада морского доел, гляжу – а Виталька пельменей просит...

Братия уже поняли, что дело неладно. Переглядываются. Только келарь отец Валериан голову опустил, красный весь стал, аж уши пунцовеют. Смекнули иноки, стараются и не смотреть на отца Валериана, чтоб не смущать, значит, а схимник дальше продолжает:

– А то ещё музыку я люблю! А что? Музыка – это дело хорошее. Вот был у меня старый сотовый телефон, так я друга мирского попросил, он мне новый подарил, навороченный. Классный такой – наушники вставишь в уши и ходишь себе по обители, а у тебя рок наяривает. А что? Рок-музыка, она, того, очень вдохновляет! Да... Смотрю, и Виталька вместо песнопений валаамских тоже что-то другое слушать стал. А что? Тоже вдохновляется...

Сразу двое иноков залились краской.

А отец Захария всё продолжает:

– Ещё спать я люблю очень. Монах – он ведь тоже человек, отдыхать должен. Чтобы, значит, с новыми силами молиться и трудиться. И вообще, подумаешь: раз-другой на службу

проспал... Вечером правило келейное не выполнил, а свечу загасил, да и захрапел сразу. И что? У меня, может, после этого покаяние появилось... Вот не появлялось и не появлялось, а как начал дрыхнуть без просыпу, так и появилось... Значит, польза духовная... И Виталька у себя в каморке спит-храпит, чтоб мне, значит, не обидно одному спать было...

Братия сидели с низко опущенными головами, а старец не унимался:

– Я вот ещё хочу признаться: раньше на крестный ход вокруг монастыря с радостью шёл, молился о родной обители, а щас так мне это дело надоело, бегом бегу, чтоб энтот ход быстрее закончить да в келью назад, поспать али музыку-рок послушать – вдохновиться, али крикетов откусать. Да ещё Виталька-негодник стоит – кочевряжится, то задом повернётся, то рожу скорчит... Что ж, братия, по-прежнему ли вы желаете разбить зеркало?

Мёртвая тишина стояла в трапезной. Только за окном свистела метель да трещали дрова в большой печи.

Отец Захария молчал. Молчали и братия. Печально опустил голову отец Савватий. Старец вздохнул и сказал уже серьёзно:

– Монашеский постриг, братия, он – как первая любовь. Вспомните! Помните, как молились со слезами? Как в храм бежали и надышаться, наслушаться молитвой не могли? Как постриг принимали и обеты давали? Как сердце трепетало и слёзы лились? Благодать Божия обильно изливалась, и хотелось подвизаться и ревновать о дарах?

В тишине кто-то всхлипнул. Иноки внимали старцу с трепетом, потому что слова его были как слова власть имеющего:

– Не теряйте ревности, братия! Не остывайте, не становитесь теплохладными! Не угашайте Духа Святаго!

Старец замолчал. Вздохнул тяжело и закончил:

– Простите меня, грешного, отцы и братия... Устал я. Храни вас Господь.

Медленно, в полном молчании выходили иноки из трапезной. Отец Савватий провожал их внимательным взглядом. Ночью вышел из кельи, обошёл монастырь с молитвой. Снег скрипел под ногами, над обителью светила круглая жёлтая луна, и небо было усыпано звёздами. Внимательно оглядел домики иноков: несмотря на поздний час, почти все окна светились тихим жёлтым светом свечей, цветом монашеской молитвы. Отец Савватий улыбнулся.

Через пару дней келарь отец Валериан подошёл на улице к Витальке и, смущаясь, пробасил:

– Прости меня, брат Виталий, что оговорил тебя за пельмени... Кто я такой, чтобы тебя судить... Ты хоть обеты не давал, а я... Ты уж кушай на здоровье что хочешь... Ты ведь и болен, ко всему... А я, знаешь, решил вот попридержать аппетит, да не знаю, как получится. Помяни на молитве грешного Валериана, ладно?

И отец Валериан, махнув рукой и горестно вздохнув, ушёл, топая своими большими сапогами.

А после обеда, выдавая на кухне дежурному трапезнику пельмени для Витальки, щедрой рукой вывалил на стол сразу две упаковки. Но трапезник удивил его: Витальке, оказывается, надоели пельмени, отказывается он от них. Сидит уже в трапезной и суп за братией доедает. Отец Валериан заглянул в щёлку трапезной, перекрестился радостно и спрятал пельмени подальше, в глубь большой морозильной камеры.

Чужое послушание

Как-то отец Валериан загрустил: наскучило ему послушание келаря. Хлопотное, беспокойное. И хранение продуктов, и выдача их к трапезе, и заготовка – всё на твоих плечах. В подвале овощном холодно. На кухне жарко. Электричество иногда отключают – холодильник течёт. Глаз да глаз нужен... Следи, чтобы мыши крупу не съели, чтобы ничего не испортилось, чтобы по уставу продукты на трапезу выдать. То ли дело на клиросе: поёшь себе, Бога славишь – то-то благодатно... Или вот в библиотеке монастырской: духовные книги можно читать, мудростью святых отцов обогащаться.

Но самое лёгкое – в монастырской лавке. Сидишь себе в тепле. Уютно, чисто, сухо. Читаешь себе книги или молишься. Когда ещё паломники приедут. А и приедут – икону купят или крестик там, записочки подадут, и опять можно молиться или читать в одиночестве.

Благодать! В лавке обычно нёс послушание отец Вассиан, монах добродушный, всегда приветливый и невозмутимый.

И отец Валериан думал: «Конечно, легко пребывать в ровном, мирном устроении духа на таком-то спокойном послушании... Вот попробовал бы отец Вассиан келарем потрудиться... А то сиди себе в лавке – молись, книги духовные читай... Эх, вот достанется же кому-то такое полезное для души послушание!» В помыслах своих отец Валериан на исповеди духовнику, игумену Савватию, покался: унываю, дескать, тяжёлое, дескать, келарское послушание, одни хлопоты и заботы – суета.

А отец Савватий ему и говорит:

– Так отец Вассиан приболел как раз, давай, отец Валериан, замени его в лавке на пару дней. Ты продукты дежурным трапезникам выдай вперёд, а сам – в лавку.

Обрадовался инок: хоть пару дней в тишине отдохнёт. Помолится, новинки книжные полистаёт. С утра книгу новую с собой про Афон взял. Только в лавке присел – паломники приехали.

Дама нарядная, на голове кудри золотые, косынка кисейная чуть на макушке держится:

– Мне крестик нужен!

Достал отец Валериан планшетку.

А дама говорит:

– Покажите самый большой!

Достал другую планшетку, с крестиками побольше.

– А еще больше есть? Вот как у него?

И в окно показывает. Отец Валериан выглянул: в это время мимо лавки шёл игумен Савватий с наперсным крестом.

Только отдышался отец Валериан после этой дамы, заходит мужчина в кожаном пальто:

– Дайте мне, пожалуйста, крест с усилением!

– А что это такое? – растерялся отец Валериан.

– Ну понимаете, с усилением!

Из объяснений не было понятно решительно ничего. Это не был ни крест с мощами, ни освященный, никакой другой. Инок задумался, а потом решительно показал на самый дорогой и внушительный крестик и твёрдо произнёс:

– Вот, самый усиленный крест! Мужчина в кожаном пальто ушёл довольный, а отец Валериан расстроился. Только успокаиваться начал, а тут в дверях – опять дама с косынкой, и с порога:

– Вы меня обсчитали! Сто рублей не сдали! Как не стыдно!

Покраснел отец Валериан, извинился, протянул даме сто рублей. Стала она их в карман класть, а там та самая сотня, которой она недосчиталась. Извинилась дама, упорхнула. Опять расстроился отец Валериан.

Да ещё мёрзнуть что-то стал он в лавке. Вроде тепло, а когда на одном месте, то холодно. Чувствует: ноги совсем замёрзли на каменном полу. Встал, походил, включил обогреватель. Через пять минут выключил – душно в маленькой лавке. Выключил – опять холодно стало... Как тут только отец Вассиан трудится? У него ещё валенки такие старые, наверное, ноги мёрзнут... Целый день на одном месте... И не отойдёшь ведь...

Только книгу про Афон достал – дверь открывается: в лавке появились новые паломники.

Супружеская пара лет тридцати пяти. Жена сразу же церковные календари на 2013 год листать стала, а муж просто лениво вокруг смотрит. Вид у него такой скучающий, как будто на аркане его сюда привели. Жена тоненьким голоском просит:

– Давай купим несколько календарей на будущий год, один – себе, остальные – на подарок!

А муж ей басом недовольным в ответ:

– В этом году – конец света! Зачем эти календари вообще продают, да ещё и в церковной лавке!

Отец Валериан решил вставить слово:

– Дорогие братья и сестры! Конец света в этом году отменяется!

– Откуда Вы знаете? А ещё монахи! Ничего не знаете, а ещё в лавке сидите!

– Пойдем, пойдем отсюда! – это жене. С трудом дождавшись конца дня, отец Валериан брёл в келью. По дороге встретил игумена Савватия, который улыбнулся и спросил:

– Как, брат, передохнул в лавке-то от своего хлопотного келарского послушания?

Инок покраснел и смущённо попросил:

– Батюшка, сделай милость, отправь меня назад, к моим мешкам, овощам и крупам.

– Одни искушения! Не могу я в лавке трудиться.

– Ну что ж, вот отец Вассиан поправится...

Вечером, после службы отец Валериан отправился проводить отца Вассиана. Он шёл и горячо молился на ходу. В одной руке нёс пакет с апельсинами, а в другой – свои новые валенки.

Про Винни-Пуха и чудотворения

Послушник Пётр жил в монастыре второй год. Звали его по молодости просто Петей, и был он пареньком неплохим, отзывчивым, трудолюбивым. Только по новоначалию тянуло его на подвиги.

То он просил у отца Савватия благословения ходить на трапезу один раз в три дня, чтобы уж поститься, так поститься. По обычаю древних, значит. То к схимнику отцу Захарии обращался с вопросом: не взять ли ему на себя обет молчания или обет сухоядения. Отцы обетов брать не благословляли, а отправляли Петю монастырскую лошадку Ягодку кормить или посуду после братской трапезы мыть. В общем, не было у послушника никаких условий для подвигов и чудес.

Но Петя не унывал, вспоминал крылатые слова о том, что в жизни всё-таки подвигу всегда место есть. К духовникам монастырским он больше с просьбами об обетах и сугубых постах не обращался, но зато стал часто с отцом Валерианом про чудотворения разговор заводить.

Отца Валериана эти разговоры настораживали. Он в монастыре давно жил и знал, что лучше недомолиться и недопоститься, чем перемолиться и перепоститься. И речь тут не о теплостудности идёт, которая, конечно, монаху крайне вредна.

Речь о трезвении и рассуждении. Теплостудность – эта беда, которая новоначальных минует обычно. А вот в прелесть впасть – это да, это опасно...

И отец Валериан как бы невзначай по поводу Пети игумену Савватию говорил:

– Батюшка, а я у одной писательницы читал, как старец новоначальным благословлял книжку про Винни-Пуха. Ну, когда они исихастов из себя воображали. Может, Петру нашему такую книжку...

– Это про какого такого Винни-Пуха?!

– Ну, батюшка, ну, Винни-Пух, который везде с Пятачком ходил...

– Со свиньёй, что ли? Не, у нас в монастыре мы поросят не держим. Если я своим инокам про поросят книжки раздавать буду, кто навоз коровам уберёт? Кто лошадь накормит? Огород вскопает?

Отец Валериан засмутился и подальше от игуменского гнева на послушание заторопился. А отец Савватий ему вслед и ещё добавил:

– Я вот вам устрою Винни-Пуха! Я вам такого Пятачка покажу!

А когда инок скрылся за поворотом, духовник тут же гневаться перестал, улыбнулся по-отечески. Улыбнулся, да призадумался. И после этого разговора Петю на послушания одного как-то перестали отправлять. Всё больше с братьями постарше. А чаще всего с отцом Валерианом.

И вот как-то отец Валериан с Петей поехали на монастырской лошадке Ягодке на источник за водой. Приехали на родник, который впадает в реку Усолку. Солёная речка Усолка заледенела только по краям, в середине же проточная вода синее. Отец Валериан воду во фляги набирает, а Петя по берегу бегаёт, резвится, природой любит. Отец Валериан молится потихоньку про себя, а Петя его отвлекает:

– Отец Валериан, красота-то какая! Ёлочки в снегу, а снежок чистый, пушистый!

– Угу... чистый... пушистый...

– Отец Валериан, лёд на реке, эх, коньки бы!

– Ага... коньки...

– А вот у людей какая вера раньше была – по воде ходили!

– Да... ходили...

– А я-то как крепко верю! Неужто по льду не пройду?! Благословите!

– Угу... благословите... благословите... Что?!

А Петя уже на лёд выскочил и поперёк реки шпарит.

– Стой, куда?!

И в этот момент Петя, уже успевший отбежать довольно далеко, провалился в водную стихию. Отец Валериан быстро сбросил тулуп, тяжёлые валенки, по-пластунски прополз к полынье и с большим трудом, пятась ползком назад, выволок на лёд и отбуксировал к берегу перепуганного насмерть послушника.

От пережитого потрясения ноги у Пети подгибались, и в монастырь он был доставлен верхом на Ягодке. Срочно отправлен в баню, которая так кстати топилась в этот день. А уж там разъярённый отец Валериан задал ему жару и отходил веником, приговаривая:

– Я тебе покажу апостола Петра! Я тебе покажу чудотворения! Я тебе устрою хождения по водам! Ты у меня сейчас по сугробам будешь плясать и в снег не проваливаться!

Может, наука отца Валериана подействовала, может, испуг от неудавшегося чуда, только после этого случая Петя больше про чудотворения не заикался. Стал постепенно серьёзным, рассудительным, через несколько лет монашеский постриг принял. Сейчас он уже иеродиакон.

Ленитесь, братия, ленитесь!

Послушник Дионисий пробежал по заснеженной обители с колокольчиком: пришло время обеда. Открывались двери келий, иноки шли по свежавыпавшему снегу в трапезную, удивлялись на ходу:

– Снегу-то сколько выпало! По пути вздыхали:

– Опять после трапезы всем придётся снег разгрести... И валит и валит... В городских монастырях небось трактора работают, машины снегоочистительные, а мы тут сами, не покладая рук...

Келарь, отец Валериан, высокий и широкоплечий, ворчал по дороге больше всех:

– Только отдохнуть хотел хоть часок, такую книгу про Афон дали почитать, а тут на тебе – опять отец настоятель всех погонит со стихией сражаться! Да уж... Покой нам только снится...

Старенький схиархимандрит Захария вышел раньше всех. Было ему уже девяносто лет, и передвигался он очень медленно. Поэтому и выходил в трапезную заранее, чтобы успеть к молитве. С трудом брёл по заметённой дороге, а иноки обгоняли старца, кланялись на ходу, просили благословения. И удивительное дело: те, кого он благословлял, шли дальше уже умиротворённые, без всякого ворчания.

Отец Валериан тоже догнал старца и удивился: отец Захария смотрел радостно по сторонам, как будто не в занесённом снегом отдалённом монастыре находился, а на каком-нибудь курорте. Наклонился, зачерпнул рукой сверкающий на солнце снег и замер счастливо, подняв голову к неяркому зимнему солнцу.

Отец Валериан, как и вся братия, очень почитал старого схимника, опытным путём знал силу его благословения, умиряющего душу. Но сегодня инока одолели недобрые помыслы: «Конечно! Идёт себе – улыбается! Ему-то снег убирать не придётся! И игумен Савватий снег убирать не станет! И с клироса братия опять пойдёт на распевку. А отец Валериан – конечно, самый здоровый, самый незанятый, – давай, отдувайся за всех! Греби снег лопатой, а он через час снова нападает! Снова убирай – а он снова! Скуотища!»

И отец Валериан прошёл мимо, отвернувшись в сторону, не взял обычного благословения, не поклонился старцу. От этого внезапного раздражения на душе стало ещё тяжелее, и инок подошёл к трапезной уже в совсем плохом настроении, поникший. Он не заметил, как отец Захария с любовью проводил его взглядом и незаметно перекрестил его спину.

В трапезной братия встала на молитву, а игумен Савватий внимательно оглядел всех и легонько кивнул головой отцу Валериану. Инок печально вздохнул: и тут попал – теперь, пока все будут обедать, ему придётся читать. Потом заново подогревать суп или есть холодный в одиночестве.

Братия застучали ложками, а инок подошёл к аналою и начал читать. Голос у него был громкий, звучный, читал он разборчиво.

Только чтение сегодня никак не клеилось. На ровном месте ошибки получались, да ошибки какие-то несуразные. Так, в одном отрывке говорилось о священнике, которого вызвали к Владыке. И вот у отца Валериана прочиталось:

– «Он без про́волочек направился в епископию».

Отец Савватий покашлял, и смущённый отец Валериан поправился:

– «Он без проволóчек направился в епископию».

Стал читать дальше и через пару строк прочёл:

– «...И тогда сказал старец своё наставление ученикам: “Лени́тесь, братия, лените́сь!”».

Стук ложек прекратился. Братия удивлённо подняли головы от тарелок. Игумен Савватий опустил ложку на стол и пронзительным взглядом, в котором можно было прочесть любовь и укор одновременно, пристально посмотрел на инок. И только отец Захария не удивился, а улыбнулся в бороду.

Отец Валериан смутился и попытался поправиться. Прочитал предложение снова. И снова у него вышло:

– «Лені́тесь, братия, лені́тесь!» Послышались сдержанные покашливания – это братия пыталась удержаться от смеха. Отец Валериан покраснел, откашлялся и прочитал в третий раз:

– «Лені́тесь, братия, лені́тесь!»

Сам испугался и, будто вспомнив что-то, с отчаянием сказал:

– Отец Захария, прости меня! Батюшка, отец Савватий, прости меня! Братия, простите!

Братия затихла, отец Савватий выжидательно посмотрел на чтеца, а старенький схимник, улыбнувшись по-отечески, кивнул седой головой.

И отец Валериан наконец прочитал правильно:

– Тогда сказал старец своё наставление ученикам «Ленитесь, братия, ленитесь! Так нельзя! На скуку жалуетесь... Скука унынию внука, а лености дочь. Чтобы отогнать её прочь, в деле потрудись, в молитве не ленись, тогда и скука пройдет, и усердие придет. А если к сему терпения и смирения прибавишь, то от многих зол себя избавишь».

Инок облегчённо вздохнул и продолжил чтение дальше. Снова негромко застучали ложки в тишине. В трапезной было уютно, в большой печке потрескивали дрова, а за окном всё шёл и шёл снег.

Как отец Валериан с осуждением боролся

После долгих зимних вьюг в монастырь пришла весна. Яркое солнце, мартовская капель, звонкое пение птиц – всё радует душу. Старенький схиархимандрит Захария на сугревке – на крылечке сидит, чётки перебирает, на солнышко жмурится. Братия дружно с крыш келий талый снег скидывают, дорожки песком посыпают.

Из трапезной уже доносится аромат грибного супа, скоро послушник Дионисий с колокольчиком побежит по обители, собирая иноков на трапезу. Хорошо!

Настроение у отца Валериана было радостное, он споро рыл канавку для отвода воды от храма и молился про себя, как и положено иноку. Обернулся на шум мотора и нахмурился: в монастырские ворота въезжал чёрный блестящий мерседес. За рулём сидел Вениамин Петрович, давний гость и благодетель монастыря.

Высоченный, выше и крупнее даже самого отца Валериана, росту которого могли бы позавидовать баскетболисты, Вениамин Петрович выглядел настоящим богатырём. Только был он какой-то вечно хмурый, суровый. Маленькие глазки смотрели на окружающий мир невозмутимо и даже надменно. Впрочем, может, эта надменность только чудилась отцу Валериану?

И вот сейчас иннок почувствовал, как тускнеет радостное настроение, и проворчал про себя:

– Какие люди – и без охраны...

Отец Захария на крылечке привстал, улыбается этому Вениамину как родному, благословляет, спрашивает что-то тихонько. А тот басит в ответ важно на всю обитель:

– Да, отче, из Цюриха только что прилетел... Да, вот в монастырь заехал...

Поздоровавшись со старцем, Вениамин Петрович отправился в храм. Важно прошествовал мимо инока, легонько головой кивнул – поздоровался, значит. Отец Валериан поклонился в ответ и почувствовал, как растёт раздражение: зачем этот Вениамин сюда ездит? В братской трапезной толком не ест – то ли брезгует, то ли после дорогих мирских деликатесов простая монашеская пища не нравится. В храме стоит – толком не перекрестится, на братию сверху вниз смотрит.

Успешен, богат – чувствует себя, видимо, хозяином жизни... Ну, летает по своим Цюрихам этот успешный и богатый бизнесмен, и пускай дальше летает, что он в обители-то забыл?

Ещё старец его привечает... Это уж и вообще загадка... Привечает явно не из-за денег: кроме нескольких икон, духовных книг да плетёнки под кроватью со сменой одежды у отца Захарии богатств отродясь не водилось. Да и помнил хорошо иннок, как старец не благословил принимать крупное пожертвование на обитель от одного известного политика из области: не всякие деньги монастырю на пользу.

В чём тут загадка, и за какие такие достоинства отец Захария и настоятель монастыря игумен Савватий привечают Вениамина Петровича?

Отец Валериан тряхнул головой и напомнил себе слова преподобного Амвросия Оптинского: «Знай себя, и будет с тебя». Ну вот, только осуждения ему, иноку, и не хватало! Да ещё так мгновенно он впадает каждый раз в осуждение при виде этого бизнесмена! Стал усиленно молиться, чтобы прогнать дурные помыслы, и ещё быстрее заработал лопатой.

Но искушения, связанные с Вениамином Петровичем, на этом не закончились. Целый день этот самый Вениамин так и попадался на пути у инока.

На трапезе бизнесмена почему-то не было, зато, когда после обеда отец Валериан как келарь занимался подготовкой продуктов для дежурных трапезников на следующие несколько дней, тот появился и уселся за стол.

Послушник Дионисий, домывавший посуду, быстро поставил перед гостем тарелку грибного супа, положил на второе тушёную капусту, налил компот.

А Вениамин Петрович громко спрашивает:

– Брат Дионисий, рыбы нет? Так что-то рыбки хочется!

Отец Валериан даже перестал со своими крупами возиться, только что вслух не фыркнул: «Ишь, рыбки ему!» А Дионисий вежливо отвечает:

– Нет, Вениамин Петрович, сегодня рыбу не готовили.

Только он так сказал, как дверь в трапезную распахивается, заходит трудник Пётр и вносит на чистом листе копчёного судака:

– Вениамин Петрович, тут ребята отцу Савватию рыбку приготовили, так он благословил вас угостить!

Бизнесмен снисходительно кивает и спокойно ест судака. Отец Валериан от удивления дар речи потерял. А тот доедает кусок рыбы и опять громко спрашивает:

– А пирожков нет? Сейчас пирожков бы! Дионисий опять вежливо отвечает:

– Нет, Вениамин Петрович, не пекли пирогов сегодня.

Отец Валериан уже на дверь косится. И что вы думаете? Тут снова дверь открывается, и заходит послушник Пётр с тарелкой, полной пирожков:

– Мама приезжала, пирожки привезла! Одному не справиться – налетайте, братия! Вениамин Петрович, угощайтесь, пожалуйста!

И Вениамин Петрович не спеша, с удовольствием ест пирожки и компотом запивает.

Отец Валериан опешил. Думает про себя: «Это что ещё за скатерть – самобранка в нашей обители?! Прямо по шучьему велению, по моему хотению... За какие такие заслуги?! В общем, сплошное искушение, а не Вениамин Петрович! Поел, встал, помолился, снисходительно кивнул братии и пошёл себе из трапезной.

Отец Валериан свои дела келарские закончил и в храм отправился в очередь Псалтирь читать. У него очередь как раз перед всенощной была. Читает он, значит, Псалтирь за свечным ящиком, а сам мыслями по древу растекается – всё ему бизнесмен представляется. Не выдержал инок такого искушения, прямо за ящиком на колени опустился:

– Господи, вразуми, избавь от искушения и осуждения!

Слышит – дверь открывается, а кто в храм заходит – из-за свечного ящика не видно. Только слышно – поступь тяжёлая. Прошёл человек в глубь храма.

Выглянул отец Валериан из-за ящика – а это опять Вениамин Петрович. Подошёл прямо к Казанской иконе Божией Матери – и на колени встал. Икона та непростая, она явилась людям на источнике в восемнадцатом веке, в обители почитается как чудотворная. Отцу Валериану теперь из-за свечного ящика и показываться неудобно, как будто он специально прятался. Не знает, что и делать. Смотрит за гостем, наблюдает: чего это он по пустому храму разгуливает, не дожидаясь службы? С добрыми намерениями зашёл ли?

А бизнесмен самоуверенный стоит на коленях перед иконой и молчит. Молчит-молчит, а потом вдруг всхлипнет громко – как ребёнок. А в пустом храме всё далеко разносится. И слышит инок, как Вениамин Петрович молится со слезами и повторяет только:

– Матушка... Матушка... Пресвятая Богородица... Ты мне как Мама родная! Прости меня, дерзкого грешника... Недостойного милости Твоей... Ты знаешь, как я люблю Тебя, Матушка! Знаешь, что не помню я своих родителей... Один, совсем один на земле... Только на Тебя, на Твою милость уповаю и на Сыночка Твоего, Господа нашего! Матушка, а я вот подсветку для храма сделал, старался очень... Хорошо ведь с подсветкой будет... И отец Савватий благословил, разрешил мне пожертвовать на обитель... Прими, Матушка, в дар! Прими от меня, недостойного!

Отец Валериан густо покраснел и на цыпочках вышел из храма. Встал на дорожке, как будто он только в церковь войти собирается. Стоит, ждёт, когда можно вернуться будет,

дальше Псалтирь читать. Стоит и чувствует – а он никогда сентиментальным не был, – как дыхание перехватило и слёзы близко. Искренняя молитва, от сердца идущая, она ведь касается и того, кто слышит её.

Смотрит инок: старец Захария к храму тихонечко бредёт. Он всегда заранее на службу и в трапезную выходит, чтобы не опаздывать. Подошёл старец, только глянул на инок – и будто всё понял о нём. Улыбнулся ласково. А потом говорит как бы сам с собой:

– Да... Вот уж служба скоро... Знаешь, отец Валериан, я иногда за собой замечаю... Часто я людей по внешнему виду оцениваю... Иногда думаю про человека: какой он самоуверенный да надменный... И за что его только привечают в обители... А Господь и Пресвятая Богородица зрят в самое сердце. Человек-то, может, к Пресвятой как ребёнок к родной Матери приезжает... От души на монастырь жертвует... И Она его утешает – ласкает, как младенца по голове гладит... Да... А я в осуждение впал...

– Отец Захария, простите, помолитесь обо мне!

И старец улыбнулся, благословил инок и положил ему на голову свою большую тёплую руку.

Из храма вышел Вениамин Петрович, как обычно сдержанный, суровый. Почтительно поклонился отцу Захарии, легонько кивнул отцу Валериану. И в этом лёгком кивке не было надменности. Просто небольшой дружеский поклон. И отец Валериан тоже дружелюбно поклонился в ответ.

А обитель потихоньку оживала: распахивались двери келий, слышались голоса братии – все собирались на всенощную.

Розпрягайтэ, хлопци, коней!

В монастыре число трудников менялось в зависимости от времени года. Летом трудников было больше: хорошо в тёплую пору на свежем воздухе поработать, в реке после послушания искупаться. А зимой трудников обычно оставалось меньше. И вот как-то, дело к лету шло и трудники уже заполнили всю монастырскую гостиницу, отец Савватий благословил келарю, отцу Валериану, трёх работников в помощь: перебрать картошку прошлогоднюю, почистить овощной подвал. Заходит отец Валериан в келью монастырской гостиницы, а там как раз три трудника сидят, чай гоняют.

– Отец Валериан, посиди с нами! Мы вот тут про национальные особенности спорим!

– Это как?

– Да вот: какая нация самая умная?

– Какая самая умная – это я не знаю, а вот самая хитрая – хохлы! Был у меня друг, парень отличный, но вот – хи-и-трый!

Тут один трудник и говорит мрачно:

– Так, та-а-к! А я, между прочим, Беленко!

Второй угрюмо в разговор вступает:

– А я – Дмитриенко!

Поднимается третий, ростом под потолок:

– А я – Самойленко! Вот и познако-омились!

Попятился отец Валериан к выходу.

– Отец Валериан, чего приходил-то?

– Да так я, мимо шёл...

Через полчаса игумен Савватий, проходя мимо трапезной, заглянул в подвал: там, в одиночестве, отец Валериан перебирал картошку и грустно пел:

– Розпрягайтэ, хлопци, коней, та лягайте спочивать...

Жареная картошка на зиму

Отец Валериан, кроме своего послушания келаря, занимался обычно и заготовкой на зиму: закатывал банки с огурцами и помидорами, выращенными заботливо в монастырской теплице. Помидоры во рту таяли, огурчики хрустящие в пост шли на ура. Братия утешалась, и самому отцу Валериану это послушание было по душе: читаешь себе молитву и с любовью баночки закатываешь – как будто немного лета с собой в зиму берёшь.

Вот и сегодня собирался инок закатать несколько банок на зиму. Горела лампадка перед иконами, на кухне и в трапезной было пусто, чисто и уютно. Отец Валериан не спеша, с молитвой, чистил лук и чеснок, помытые огурцы ждали своего часа, когда зазвонил старый телефон, стоящий на холодильнике. Игумен Савватий пробасил:

– Отец Валериан, ты как раз в трапезной, такое дело, нужно картошку на зиму пожарить. День-то сегодня постный. Ты прямо сейчас пожарь.

И трубку положил. Отец Валериан задумался. Огурцы на зиму солил, помидоры на зиму закатывал. Картошку на зиму не жарил... И при чём тут постный день?

Призадумался инок крепко. В трапезную забежал послушник Дионисий, протянул шланг, собрался воду качать в большой бак из колодца. Спросить – не спросить? У послушника спрашивать – годится ли иноку? Отец Валериан смирился и, смущаясь, спросил:

– Брат Дионисий, на зиму картошку нужно пожарить. Ты никогда не жарил? Как-то по-особенному нужно, наверное, жарить?

– На зиму? Да, я слышал, что приехал сегодня в гости Назим Иванович, наш старый благодетель, помнишь, помог нам с теплицей? А картошку... Отец Валериан, я не понял вопроса... Почему по-особенному?

Отец Валериан облегчённо вздохнул:

– Да так это я, брат Дионисий, просто вслух размышляю: картошку, дескать, надо Назиму Ивановичу пожарить...

И отец Валериан стал бодро чистить картошку.

Квасота!

Пришло время покоса, и вся монастырская братия целую неделю трудится в поле. Покос далеко от монастыря, и игумен Савватий каждый день привозит обед и целую флягу душистого, ароматного, холодного монастырского кваса. Эх, хорош квасок! Выпьешь кружку – кажется, сил прибавилось.

Неделя покоса заканчивается. Устала братия. На последний день полевых работ просят батюшку привезти «обычный обед». И вот приезжает игумен Савватий и привозит... крошку на квасе и целую флягу кваса!

Всё это тут же было радостно съедено, выпито и признано необыкновенно вкусным. Возвращаясь с покоса, братия ещё долго шутила: квасная (класная) погода, квасная трапеза, а отца Вассиана, самого большого почитателя монастырского напитка, звали не иначе, как отец Квассиан. Вот такая квасота!

Отец Валериан, Петенька-здоровяк и умиление

«Скорей бы закончилась эта неприятная поездка!» – думал печальный отец Валериан, монастырский келарь. В окне автобуса очертания деревушек, лесов и полей сливались от сильного летнего ливня, крупные капли били в стекло и по крыше междугороднего автобуса. Можно было уютно подремать в мягком кресле, но дремать не давали – компания оказалась слишком беспокойная.

Отец Валериан отлучался из обители: ездил в областную стоматологическую поликлинику. Зуб вылечил, а на обратном пути угораздило его поторопиться и поехать не вечером на монастырской машине, а днём на паломническом автобусе. Встретился со знакомым экскурсоводом, который взял его на свободное место.

Экскурсовод епархиальной паломнической службы Николай Иванович, уже в годах, добрый и мягкий, рассказывал всегда интересно, выразительно, душеполезно. Только паломники в этот раз попались очень беспокойные. Слушали плохо, часто перебивали. Были ли они верующими вообще – чем дальше ехал автобус, тем больше сомневался в этом инок. Из громких разговоров неожиданных попутчиков он понял, что паломническую поездку оплатил их босс, решив устроить культурную программу для работников своей фирмы.

Николай Иванович говорил об истории обители – слушали невнимательно, стал рассказывать об отцах-исповедниках и о святынях обители – опять слушают без благоговения. И люди вроде бы образованные, интеллигентные, а о духовном – неинтересно им. На задних сиденьях молодые мужчины часто посмеивались, потом пустили по рядам фляжки с коньяком. Шум и разговоры стали ещё громче и уже перекрывали голос экскурсовода, который всё старался вдохновить своих слушателей духовным рассказом.

Отец Валериан, наблюдая за паломниками, приезжающими в обитель, давно заметил, что некоторые имеют душу отзывчивую, легко доступную действию благодати. Стоит начать говорить им о духовном – и сердце их отзывается, загорается, слёзы близко.

В других дух лишь тлеет, и много нужно усилий, чтобы высечь искру, зажечь духовный огонь, чтобы отозвался человек на действие благодати Божией. Как сказал когда-то Оптинский старец Нектарий, глядя на фото молодого человека: «Вижу присутствие духа» – и благословил привезти его в Оптину.

Были и такие, в ком не находилось ни одной духовной искры. Они оставались безразлично-равнодушными даже там, где остальные плакали от умиления. Иногда же это равнодушие сменялось раздражением, и они злобно высмеивали растроганных, тех, кто плакал, тех, кто был способен на умиление. Были ли они безнадежны или просто Господь не коснулся пока их сердца – этого отец Валериан не знал. Он знал только, что мужество и умиление не противоречат друг другу.

Николай Иванович, уже немного охрипший от мешавшего шума и возни, начал рассказывать про святыню обители – икону Пресвятой Богородицы «Умиление». И тут его перебил насмешливый мужской бас:

– Простите, можно спросить: что такое это умиление? Я вот сколько живу – а никогда не понимал, что же это за умиление такое бывает?!

Николай Иванович растерялся. Он помолчал минуту, совершенно обескураженный вопросом: пускай неверующие, но русские же, не могут же они не знать такого простого слова «умиление»... И экскурсовод стал просто рассказывать дальше, а шум на задних сиденьях усилился, и насмешливый бас стал ведущим, повествующим какую-то весёлую байку.

Отец Валериан обернулся и разглядел насмешника – мужчина лет тридцати пяти, здоровенный, лысый. Здоровяк прикладывался к фляжке, которая в его ручищах казалась напёрстком.

В душе поднималось возмущение. Иноку захотелось встать и навести порядок в автобусе, призвать к тишине, если уж собрались эти горе-паломники в святую обитель, но тут Николай Иванович добрался до конца своего рассказа и сел на переднее сиденье, утирая вспотевший лоб. Он откидывал рукой седую прядь, и отец Валериан заметил, что рука экскурсовода немного дрожала.

Инок попытался успокоиться, обрести утраченный душевный мир. Умиление...

А знал ли он сам, что такое умиление? Да. Он знал.

Хорошо помнил свою недавнюю поездку на Афон с игуменом Савватием. Они, пятеро русских иноков, тогда посетили в числе других обителей Иверский монастырь с его главной святыней – Иверской иконой Божией Матери. Лик Пречистой хранил след удара копья иконоборцев. Из поражённого места хлынула кровь, и благочестивая вдова, в доме которой икона находилась, опустила святыню в море, чтобы спасти её.

Чудесная икона приплыла в столпе огненного света к берегу Афона, и инок Иверского монастыря святой Гавриил Грузин пошёл по воде и принял святыню. Сначала икону поставили в храме, но на следующий день она чудесным образом оказалась над воротами обители и явила Свою волю иноку Гавриилу во сне: Она не желает быть хранимой иноками, а Сама будет Хранительницей обители. Поэтому святую икону называли Портаитиссою, Вратарницей, и в акафисте Её славят: «Радуйся, Благая Вратарнице, двери райские верным отверзающая!»

По преданию, перед концом света икона уйдет из обители так же таинственно, как и пришла. Но пока святыня в монастыре – есть ещё время на покаяние.

Когда иноки приехали в Иверон, то зашли в параклис, небольшой храм слева от врат. В параклисе, немного в стороне от иконы, стоял греческий монах и тихо рассказывал двум паломникам о святыне. Иноки подошли к иконе, все пятеро встали на колени и стали читать акафист Божией Матери, каждый по икосу и кондаку по очереди.

Они стояли тогда на коленях перед иконой, и такое умиление появилось в сердце, что стало трудно дышать, на глаза сами навернулись слёзы.

Первый инок начал читать, прочитал пару строк и не смог читать дальше – заплакал. Продолжил молитву второй инок, и через несколько слов у него тоже потекли слёзы. Потом заплакал третий, и через несколько минут они, все пятеро, крупные, высокие, бородатые русские монахи, как дети рыдали перед иконой Пречистой.

Такие немощные, грешные – и почувствовали Её Материнство. Каждый тогда осознал: ты Её сын, грешный, но сын. И Она тебя приняла, не отвергла – и это чудо Божие. Особое состояние, которое трудно передать словами. Невозможно просто так стоять перед Ней: изнемогаешь от Света, от Божией милости и благодати, таешь от благодати.

Грек прекратил рассказывать паломникам про икону, на цыпочках, с благоговением, осторожно посматривая на русских, вывел своих из параклиса, чтобы не мешать. И они какое-то время просто стояли на коленях перед образом Пресвятой Богородицы и плакали, не в силах сдержать слёз от нахлынувшей благодати, обильно изливаемой святой иконой. Потом утёрли слёзы, приложились с благоговением к святому образу и, притихшие, в умилении вышли из храма. Молча сели в машину и в полной тишине поехали к себе в монастырь. Духовное переживание было таким острым, таким сильным, что до конца пути они не сказали друг другу ни слова.

Да, отец Валериан знал, что такое умиление. Но как объяснить это здоровяку, который такого чувства никогда не испытывал? Расскажи ему про слёзы пятерых взрослых мужиков – как он отреагирует? Засмеётся? Будет насмехаться? А стоит ли такому вообще что-то рассказывать? Если его не прошибёшь ничем... Взять бы за грудки да тряхнуть как следует, ничего, что здоровяк... Он, отец Валериан, бывший мастер спорта по вольной борьбе, вполне с этой задачей справится...

Что-то мысли такие пошли – совсем для инока неподходящие... Злом на зло нельзя отвечать... Нужно помолиться за здоровяка. От души помолиться, чтобы открыл ему Господь, что такое благодать, что такое умиление. Отец Валериан сосредоточился, но молитва шла плохо, шум и смех на задних сиденьях мешали, и он никак не мог справиться с чувством раздражения. А какая там молитва от души, когда никак не можешь с раздражением справиться?! Он боролся с навязчивым помыслом и продолжал молиться, но дело шло слишком туго.

Вот приедут в обитель, хорошо бы встретил весельчаков схиархимандрит отец Захария. А он, не смотри, что ростом невысокий, худенький и старенький, так обличить может – мало не покажется! Старец, конечно, давно гнев победил, но если вид разгневанного примет, если начнёт выговор делать – только держись! Пот прошибает, и колени подгибаются, потому как наставляет он не от себя, а – как власть имеющий.

Автобус затормозил в нескольких метрах от монастыря. Ноги затекли, и отец Валериан с трудом встал. При виде родной обители – как всегда радость, хоть и уезжал всего на день: белоснежный красавец храм, родная келья, цветы и – тишина монастыря, особенная тишина, благоговейная, намоленная. Мир душевных сил.

Зашли в монастырь – и, как мечтал отец Валериан, навстречу сам схиархимандрит Захария!

Только вместо гневного обличения старец руки широко развёл и восклицает ласково:

– Деточки мои! Деточки мои приехали! Инок опешил. Если б знал старец, как они себя в автобусе вели, эти самые деточки! А старец не унимается, всех встречает так радостно, с такой любовью, как будто на самом деле это его дети родные приехали. Любимые, долгожданные! Где-то пропадали, на чужой стороне – и вот нашлись наконец! Приехали!

– Деточки мои родненькие!

И каждого обнимает. А они опешили, а потом тоже начинают, как дети, радоваться. По одному к старцу подходят, вот уже очередь выстроилась, и каждый как дитя малое смотрит на старца с надеждой и любовью, как будто ребёнок маму потерял и вот – нашёл наконец.

Из трапезной вкусно пахнет, а они забыли, что голодные, про фляжки свои с коньяком дорогим забыли – и тянутся к отцу Захарии.

Отец Валериан стоит растерянный, наблюдает, ждёт: вот до здоровяка очередь дойдёт – уж его-то батюшка отчистит по полной программе.

Приняв благословение, паломники за Николаем Ивановичем к храму один за другим потянулись. Дошла наконец очередь до здоровяка. Он стоит, большой, лысый, насупленный, носком ботинка землю ковыряет. А старец его ласковее всех обнимает, своей слабой ручкой до его высоченной лысины дотягивается, голову к себе притягивает и целует как сына родного:

– Петенька мой приехал! Наконец-то! Родной ты мой! Деточка моя!

И насмешливый здоровяк громко, неожиданно для всех и самого себя, всхлипывает и бережно старца в свои здоровенные объятия заключает:

– Батюшка! А как вы моё имя узнали?!

– Да я же тебя заждался, Петенька, ты уж лет пять назад должен был приехать-то, а видишь, как припозднился! Хватил горя, обманули, предали – думал: жизнь закончилась?! Нет, сынок, она у нас с тобой только ещё начинается!

И видит отец Валериан, как здоровый Петенька плачет как ребёнок, уткнувшись в плечо старца. Отец келарь смущённо отвернулся и отправился в трапезную к дежурным трапезникам насчёт обеда гостям обители распорядиться.

А на вечерней службе группа паломников вела себя тихо и благоговейно. Здоровяк тоже стоял тихий-тихий, и вид у него был совсем другой, не такой, как в автобусе, – серьёзный, печальный, растроганный. Николай Иванович молился рядом с отцом Валерианом, и после

отпуста здоровяк подошёл к ним. Он стоял молча, нерешительно, перетаптываясь с ноги на ногу, и Николай Иванович спросил первый:

- Всё в порядке, Пётр Викторович?
- Николай Иванович, простите меня, пожалуйста. Я хотел извиниться за свой вопрос.
- Хорошо. Теперь вы знаете, что такое умиление?
- Знаю.

Раздражительный Виталька

В монастыре только что закончилась трапеза. На кухне было светло и уютно, горела лампадка перед иконами, солнечный луч играл на свежeweымытой посуде. Вкусно пахло: на плите стояли накрытые полотенцем пироги с капустой и в большой жёлтой кастрюле – наваристый грибной суп для иноков, которые ещё не вернулись с полевых работ.

Послушник Дионисий сноровисто протирал насухо чашки, а келарь отец Валериан проверял припасы, готовил продукты дежурным трапезникам на следующий день.

В пустой трапезной за длинным столом сидел Виталька, слушал валаамские песнопения. Отец Валериан заглянул в трапезную: не закончились ли салфетки на столах? Спросил у Витальки:

– Наелся, брат Виталий?

Виталька что-то буркнул сердито себе под нос.

– Чего-то там бормочешь? Не наелся, что ли? Уж не пельменей ли тебе опять захотелось? – встревожился отец Валериан. Подошёл поближе: Виталька сосредоточенно рисовал. Карандаш он держал криво, по бумаге водил им со скрипом, однако рисунки получались вполне понятные. Когда-то глухонемого Витальку, малыша лет пяти, подкинули в храм. Настоятель, отец Николай, приютил ребёнка, воспитал как сына. После смерти старого священника подросток жил при храме, но новым настоятелям стал не нужен, и Витальку подобрал, привёз в монастырь игумен Савватий.

При монастыре паренёк вырос, стал взрослым, но говорил по-прежнему совсем плохо, вёл себя простовато. Однако братия прислушивались к его смешному бормотанию, потому как опытным путём удостоверились: Виталька просто так ничего не говорит.

Одно время Виталька начал рисовать автобусы. Вот рисует сплошные автобусы – и всё тут... А нужно сказать, что монастырь находился в глуши, был бедным, и паломники сюда приезжали редко. Автобусы тоже были редкостью, и братия недоумевали: отчего так старательно вырисовывает Виталька огромные автобусы.

Прошло совсем немного времени, и кому-то из паломников так понравилось в монастыре, что рассказал он друзьям, те – своим друзьям. А, может быть, просто время пришло и созрели братия, могли помощь духовную оказать паломникам. Может, Пресвятая Богородица так распорядилась – в Её честь обитель освящена. В общем, отчего – неведомо, но в монастырь потянулись бесчисленные автобусы с паломниками.

А потом Виталька ни с того ни с сего жениться захотел:

– Хочу я жениться! Так жениться хочу!

Вот бы жену мне найти!

– Какую такую жену, брат Виталий, ты ведь хоть и не в постриге, а живёшь-то в монастыре! Зачем тебе жена?!

Посмеивались братия над смешным Виталькой, посмеивались – а потом, глядь, два инока в мир ушли и женились.

Игумен Савватий как-то делился со старшей братией: лет десять назад, рано утром, перед литургией, подошёл к нему Виталька, серьёзный такой, как будто должен что-то очень важное поведать. Отец Савватий сначала отмахнуться хотел: некогда перед литургией праздные беседы вести. Но Виталька отмахнуться от него не позволил: обычно добродушный и кроткий, повёл себя как грозный начальник. Из его слов стало понятно, что было блаженному какое-то духовное видение и ему необходимо об этом видении рассказать.

Отец Савватий отвёл парнишку в сторонку, и из его непривычно разборчивой и серьёзной речи понял, что приоткрыто Витальке что-то из будущего: он рассказал о будущем насто-

ятельстве отца Ксенофонта. О том, что будет сам отец Савватий духовником и строителем обители, и какие именно постройки он построит в монастыре.

Рассказал ещё кое-что утешительное, о чём пока игумен Савватий братии не поведал. А в конце своей на редкость вразумительной речи стал игумена благословлять. Отец Савватий, удивившись, отстраниться хотел, а потом смирился и принял благословение. И когда он смиренно стоял в полупоклоне перед блаженным, почувствовал, как сверху вниз пошла теплота благодати, которая охватила всё тело.

А Виталька, благословив, сделался прежним: смешным и дурашливым, как будто он выполнил важную миссию и освободился от порученного. Стал снова что-то неразборчиво бормотать. Спустя десять лет почти всё, рассказанное блаженным, сбылось.

Вот по этим всем причинам и смотрел отец Валериан с тревогой на рисунок Витальки. А на рисунке – туча грозовая, молния стрелами на весь лист раскатывается. Задумался отец келарь: братия в поле, не гроза ли надвигается?

– Виталь, как думаешь, погода ясная долго простоит?

Из раздражённого бормотания в ответ понять можно было только одно: Виталька сердится и к нему лучше не приставать.

– Какой ты раздражительный стал, брат Виталий... И ответить толком не можешь...

Настроение у инока понизилось. А тут с кухни – звон разбитой посуды. Заходит – Дионисий опять чашку разбил. Отец келарь вспылil:

– Брат Дионисий, на тебя чашек не напасёшься!

– Простите, отец Валериан!

– Что простите, что простите! Ты с посудой просто поаккуратней! Я тебе что, фабрика посудная, что ли?!

Отец Валериан, ещё не остыв, вышел из трапезной. Прямо у двери стоял высокий хмурый мужчина и строго смотрел на выходявшего:

– Дайте, пожалуйста, веник!

– Какой веник, зачем, простите? – растерялся отец Валериан.

– Ну вот же на двери объявление:

«При входе обметайте ноги веником». Где веник-то у вас?!

– Для зимы это объявление, для зимы! Для снежной зимы! – рассердился инок.

– Так зимой и вешайте!

– Зимой и повесил! – Отец Валериан стал срывать своё же объявление, но листок не поддавался. Пришлось срывать по частям, ловить разлетевшиеся от ветра клочки... До чего народ непонятливый пошёл! Просто занудный какой-то народ!

Паломник засмутился своей ошибке, тихонько в дверь проскользнул.

Только инок отправился в келью передохнуть минутку перед тем, как в храм идти, в очередь Псалтирь читать, – навстречу послушник Тимофей:

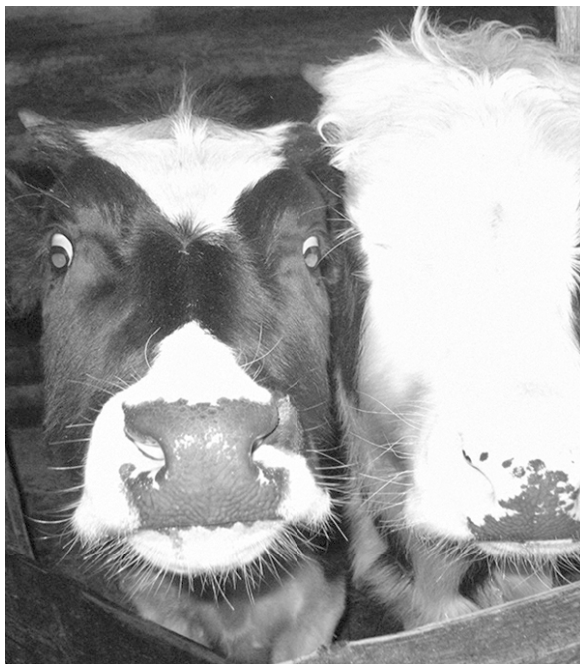
– Отец Валериан, коровы опять убежали! Помогите, а то отец благочинный... Ну вы же знаете...

Нужно вам сказать, что коровы в монастыре были непростые, с характером. Старенький схимонах, отец Феодор, называл их нравными. А иногда ворчал:

– Я в детстве коров пас, но таких коров, как у нас в монастыре, никогда не видел. Все коровы как коровы, а у нас они какие-то спортивные... Всё бы им убежать куда-то от пастухов. Только отвернёшься, а они уже побежали... Так и бегают, так и бегают... Спортсменки какие-то, а не коровы!

Тимофей улыбался в ответ и отвечал отцу Феодору:

– А зато они очень вкусное молоко дают! И творог со сметаной у нас отменные! Отец Валериан вон сырники готовил, так гости говорили, что нигде такой вкуснятины не пробовали! Просто у нас коровы – весёлые!

Хозяйство монастыря

И отец Феодор успокаивался и только головой качал в ответ:

– Придумает же: весёлые коровы...

И вот эти весёлые коровы второй день подряд убегали. Мучительницы какие-то, а не коровы! И сам Тимофей – засоня! Ходит вечно, носом клюёт! У такого и черепахи бы убежали! Отец Валериан здорово рассердился. Начал выговаривать с раздражением:

– Опять убежали?! Они у тебя только вчера убегали! Издеваешься, что ли?! Ты чего там в поле делаешь?! Спишь, что ли?! Или землянику трескаешь с утра до вечера?!

– Отец Валериан...

– Что отец Валериан, отец Валериан! Я что, сам не знаю, как меня зовут?! Тебе послушание дали – а ты ходишь как муха сонная! Бери мальчишек, Саньку с Ромой, ищите! Я, что ли, вам искать пойду?! Отец Валериан туда, отец Валериан сюда! Кошмар!

Тимофей заспешил в келью, где жили мальчишки, проводившие в монастыре каникулы. А отец Валериан зашёл к себе, брякнул дверь, присел на табурет у стола. В келье горела лампадка, в углу – любимые иконы. Вот это денёк! Сговорились они, что ли?! А началось всё с Витальки! Инок задумался.

Вспомнил, как учил старец, отец Захария, видеть свои собственные грехи. Как? А просто очень: видишь брата, который гневается, покаяйся: Господи, это ведь я такой гневливый! Видишь эгоистичного: Господи, это ведь я такой эгоист! Видишь жадного: Господи, помилуй, это я сам такой жадный!

Старец учил самоукорению, и такие его простые слова глубоко западали в душу, потому что шли они не от ума, а от личного опыта. Приправленные солью благодати, слова схиархимандрита Захарии были как слова власть имеющего. Пользу можно и от блаженного получить, и от любого человека, если жить внимательно, если вести жизнь духовную. Да... В теории-то всё знаешь, а вот как до практики дело дойдёт... Правильно говаривал преподобный Амвросий Оптинский: «Теория – придворная дама, а практика – медведь в лесу»... Отец Валериан посидел молча перед иконами, потом быстро встал и вышел из кельи. Пошёл первым делом в трапезную. Дионисий всё ещё был там, чистил картошку.

– Брат Дионисий, прости меня! Ничего страшного, привезу я ещё в монастырь чашек! Куплю других – небьющихся: ты уронишь, а она и не разобьётся!

Дионисий заулыбался, приободрился.

Отец Валериан улыбнулся послушнику:

– А где тут паломник ходил?

– Да я ему вот супа налил. А пирога нет больше, доели.

Отец Валериан достал из холодильника банку огурцов с помидорами – вкусная засолка, сам солил, открыл банку грибов, опята – один к одному:

– Положи брату, пусть утешается. Вышел из трапезной – навстречу послушник Тимофей с мальчишками, голову в плечи втягивает, жмурится – стыдно ему. Отец Валериан сказал примирительно:

– Ладно, пошли все вместе на поле.

А когда вышли за стены монастыря, сказал тихо:

– Давайте помолимся. Споём «Символ веры»... Сильная молитва! Брат Тимофей, запевай!

И Тимофей своим густым басом, совсем неожиданным для его юного возраста, начал молитву. Санька с Ромой подхватили тоненько. Присоединился и сам отец Валериан. Молитва понеслась над лесами и полями. Закончили, постояли немного. Подождали. Коров нигде не было.

– Да, братия... Вот если бы отец Савватий помолился... Или отец Захария... А мы – что ж... Видно, это дело надолго затянется... Пойдём-ка, дам бутербродов с собой – и отправитесь искать. Я вас только провожу – мне скоро Псалтирь читать. Пошли к монастырским воротам, но войти не успели: за спиной раздалось протяжное мычание – все пять монастырских спортивных коров догоняли своих пастухов.

Отец Валериан зашёл в трапезную, подошёл к Витальке, заглянул через плечо: на рисунке блаженного тянулись во все стороны листа солнечные лучи, освещали поле, лес, церковь на горе. Отец Валериан вздохнул с облегчением и пошёл в храм: пора было читать Псалтирь.

Как отец Валериан участвовал в похищении старушки

«Областное МЧС, в свою очередь, сообщает: сильный снег, метель и плохая видимость ожидаются на территории всей области»... Помехи перебивали внушительный голос из динамика, делали его хриплым, как будто человек не сидел в тёплой студии, а дрожал на стылом ветру, заносимый огромными хлопьями снега – такими же, что носились вокруг машины отца Валериана.

– Что происходит на свете? А просто зима, – сам себя спросил и сам же ответил отец Валериан. Пел он довольно фальшиво, и на клирос его никогда не ставили.

– Что же за всем этим будет? – А будет январь.

– Будет январь, вы считаете? – Да, я считаю.

Я ведь давно эту белую книгу читаю, этот, с картинками выюги, старинный букварь.

Дорога впереди и позади быстро становилась белой и неразличимой – вне времени и пространства, а в душе росла неясная тревога. Она появилась ещё утром, но была крошечной, легко пряталась – стоило блеснуть яркому солнечному лучу по прекрасным белоснежным сугробам, стоило вдохнуть свежайший, чуть сладкий морозный воздух и радостно повторить:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит!

Да, сначала всё было спокойно и обычно: рано утром отец Валериан зашёл к игумену Савватию и взял благословение на заранее запланированную поездку в областной центр – ему, как келарю монастыря, нужно было купить продукты к Рождеству да кое-какие подарки для братии. Окна монастырских келий ещё только загорались жёлтыми огоньками, в храме и трапезной растапливали печи, готовясь к утренней службе и трапезе.

Отец Валериан зашёл в тёплую и светлую трапезную, где дежурные сноровисто чистили картошку, быстро закрыл за собой дверь, так что клубы морозного воздуха лишь воровато лизнули порог, поставил чайник, достал из холодильника пару пирожков с капустой, оставшихся от вчерашней трапезы: дорога дальняя, нужно выпить горячего чаю. Чайник закипел быстро и бодро – сейчас я тебя, отче, попотчую, согрею душу, пирожки зашипили на сковородке золотистыми боками, запахи вкусно, перебивая запах берёзовых дров. Отец Валериан помолился, присел в пустом зале: тихо, уютно, тепло.

И вот тут-то дверь трапезной распахнулась широко, и клубы морозного дыма завихрились по-хозяйски, заноса в тепло целые снежные пригоршни.

– Виталька, закрывай двери – холодно! Виталька зашёл наконец, дверь прикрыл, подошёл к отцу Валериану и тревожно забормотал что-то. Был Виталька сильно глуховат и говорил тоже плохо, но в обители к его бормотанью всегда прислушивались: слишком часто сбывались его слова, иногда по первому впечатлению и совсем нелепые.

– Виталь, ты помедленнее, пожалуйста... Не понял... Что-что? Какая старушка?! Кто украл?! Сейчас хочет украсть?!

Из всей длинной речи крайне обеспокоенного Витальки можно было понять только одно: кто-то прямо сейчас похищает старушку и ему, отцу Валериану, необходимо помочь этому странному похитителю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.